

Дин Тянь шел по дороге. По пути с ним, конечно, здоровались — все-таки жили в одной деревне, принадлежали к одному клану, и почти каждый так или иначе приходился ему родней, так что отношения между соседями были теплыми.

Впрочем, не обходилось и без ядовитых замечаний.

К примеру, женщина, преградившая ему путь, приходилась потомком третьей ветви еще по линии его прадеда. По семейному древу Дин Тянь должен был звать ее четвертой тетушкой.

В деревне ее обычно величали просто — Четвертой невесткой третьей ветви. Муж ее был человеком тихим и покладистым, но вот угораздило же его жениться на такой базарной бабе.

Тетушка славилась на всю округу своим дурным нравом и страстью к сплетням. Стоило ей завидеть Дин Тяня, чья помолвка только-только расстроилась, как она тут же затянула ядовитую песню:

— Разорвали помолвку, и ладно, да только бедной Гуйхуа уже тринадцать стукнуло. Как теперь девке мужа искать с таким-то клеймом на семье?

Лицо ее при этом скривилось от такого притворного сострадания и брезгливости, словно от Дин Тяня разило чумой.

— Гуйхуа всего тринадцать, ей еще рано думать о замужестве, — спокойно возразил Дин Тянь. Он больше не был тем прежним, забитым малым, что молча сносил любые нападки. — А вот вам, четвертая тетушка, стоило бы побеспокоиться о своей Сяоде. Слышал я, ей до сих пор жениха не присмотрели? А ведь девке уже семнадцатый год пошел. Если до восемнадцати замуж не выйдет, потом и вовсе никто не возьмет.

В династии Цин законы на этот счет были строгими: если парень или девушка не обзаводились семьей до восемнадцати лет, у них оставалось лишь два пути. Либо уездная управа самолично подыскивала им пару и венчала насильно, либо семье приходилось ежегодно выплачивать штраф — одна дань зерна. Для простого крестьянина одна дань, то есть больше шестидесяти килограммов чистого зерна, была целым богатством. Если смешать его с дикими травами, то крестьянская семья из четырех человек могла безбедно кормиться два, а то и три месяца. Разумеется, отдавать такое сокровище государству никто не хотел.

Да и штрафами дело не ограничивалось до бесконечности. Стоило человеку перешагнуть порог в двадцать пять лет, как шутки заканчивались. Если к этому возрасту он не уходил в монастырь или не имел веской, подтвержденной лекарями причины для безбрачия, чиновники без лишних разговоров женили его на ком придется.

Для императорского престола люди всегда были главным капиталом — рабочей силой и налогоплательщиками.

К тому же в этот суровый век мужчинам прощалось многое: если они женились поздно, их снисходительно называли «поздними цветами» или списывали все на заботы о карьере. Но если девица засиживалась в девках дольше восемнадцати лет, путь в приличную семью ей был заказан. Это ложилось позорным пятном не только на ее родителей, но и на весь клан, да что там — на всю деревню.

Какая приличная семья допустит, чтобы их дочь осталась старой девой?

— Моя Сяоде выйдет только за достойного человека! — Четвертую тетушку задела за живое.

Она сердито всплеснула руками, крутнулась на месте и, яростно покачивая тяжелыми бедрами, гордо пошла прочь.

Как только разговор коснулся ее собственной дочери, тетушка тут же ретировалась. Перепираться посреди дороги и обсуждать замужество родной кровиночки на глазах у всех было делом крайне неприличным.

Ее старшая дочь, Сяоде, слыла первой красавицей в деревне. Мать души в ней не чаяла и спала и видела, как выгодно пристроит ее замуж. Девушку берегли как зеницу ока — ей даже посуду мыть не позволяли, чтобы не испортить нежную кожу рук.

Холили и лелеяли ее словно барышню из богатого дома. Сяоде никогда негнула спину в поле — целыми днями сидела за вышивкой, отчего пальцы ее оставались белыми да гладкими.

Один из проходивших мимо крестьян, слышавший их перепалку, негромко шепнул Дин Тяню:

— Не бери в голову, Тянь-эр. Эта баба только и умеет, что чужие кости перемывать. Язык у нее без костей, да весь в яду.

— Я знаю, — мягко улыбнулся Дин Тянь. — Не держу на нее зла. Ладно, мне еще нужно заглянуть к старосте по делу, так что пойду я.

По дороге ему встретилось еще немало односельчан. Видя, что юноша держится бодро и не горюет из-за разорванной помолвки, соседи облегченно вздыхали.

Поначалу расторжение помолвки задело гордость всего клана Дин. Однако позже, наслушавшись кухонных толков от своих жен, мужчины рассудили, что все сложилось к лучшему. Ведь если девица умудрилась очернить себя еще до свадьбы, то и в замужестве вряд ли хранила бы верность. А переносить такой позор на весь род Дин — увольте. Что и говорить, утешение сомнительное, но оно помогало сохранить лицо.

Вскоре Дин Тянь подошел к дому деревенского старосты.

Эта усадьба была одной из самых богатых в округе. Просторный дом из серого кирпича с добротной черепичной крышей состоял из двух внутренних двориков и был обнесен высокой глинобитной стеной. Расположенное в самом сердце деревни, жилище старосты так и дышало достатком и почтенной властью.

<http://bllate.org/book/19387/1950537>